

Иерусалим у меня в голове

Исповедь человека, идущего к Свету —
даже когда мир темен

Шмуэль Иерушалми

Шмуэль Иерушалми
Иерусалим у меня в голове

«Автор»

2026

Иерушалми Ш.

Иерусалим у меня в голове / Ш. Иерушалми — «Автор», 2026

Эта книга — не о болезни. Это о том, как внутри опухоли мозга можно услышать колокола Иерусалима. Автор — музыкант, отец, искатель справедливости и истины. Ему поставили диагноз, который мог бы сломать любого. Но он выбрал — писать. Петь. Судиться. Любить Оснат. Изучать Мидраш. Возвращаться в Россию, чтобы однажды снова уехать. Здесь — нет жалоб. Есть свидетельство того: как сохранить ясность ума, когда тело предаёт, как подняться от нефеш к руах, даже если дрожат руки и сбивается речь. Потому что Иерусалим — не там, где храм. А там, где ещё не угасло слово». Для тех, кто чувствует: «Я не один. Я просто ещё не в Иерусалиме — но он уже во мне».

© Иерушалми Ш., 2026

© Автор, 2026

Шмуэль Иерушалми

Иерусалим у меня в голове

Пролог. Иерусалим у меня в голове: не мечта, а диагноз – и надежда.

Часть I. Нефеш: дышать, несмотря на всё

1. Дата и время: май 1988, 1:00, Провинция на Волге

Родился я не в тишине, а в ожидании. Мать потом говорила: «Ты молчал так долго, что акушерка перепугалась – подумала, не дышит». Но я дышал. Просто прислушивался.

За окном был тёплый май, а в палате роддома – прохлада, пропитанная йодом и усталостью. В СССР ещё не знали, что рухнут через три года. А я уже знал, что не останусь.

Меня назвали Александром. Но не в честь кого-то из рода – просто так понравилось родителям. Имя было простым, советским, ничем не выделялось. Только в нем, как искра под пеплом, уже тлело что-то иное – что-то, что не исчезло ни в атеизме детства, ни в паспорте без графы «национальность», ни в страхе быть замеченным за своей особенностью.

Родом я из города на Волге, где время течёт медленнее, чем река. Здесь каждый знает, чей ты, и все помнят, что у тебя «не совсем как у всех». Здесь никто не торопится. Но я – всегда спешил. Даже в утробе, говорила мама: «Ты толкался, как будто хотел выйти раньше срока – будто знал: впереди не хватит времени».

31 мая. Почти Шавуот. Праздник получения Торы.

Может, поэтому мне с детства было неуютно в пустых словах, но легко – в молчании между строк. Может, поэтому я позже, уже взрослым, стал читать мидраши, как другие читают детективы – в поисках скрытого смысла, который объясняет не только мир, но и моё место в нём.

Мне не дали звёздную карту при рождении. Но дали дату. И в этой дате скрыто всё: мои тревоги, мои песни, мои суды, мои попытки добраться до Иерусалима – не поездом, не самолётом, а внутри себя.

Потому что человек, рождённый в 1:00 ночи в провинциальной России, но с внутренним зовом к Храмовой горе – это ли не чудо?

Только чудо не всегда красиво.

Иногда оно дрожит. Иногда – не может чётко говорить.

Но оно идёт. И я иду. С того самого часа. С того самого мая. С того самого родного города —

где начался мой путь туда, где я уже был до рождения.

2. «Ты не останешься здесь» – пророчество бабушки

Однажды мне приснился сон. В нём была моя бабушка. Чтобы читателю стало более понятно, о ком я, немного познакомлю вас с ней. Моя бабушка – была человеком советской закалки. Периода тотального дефицита и физического труда. Еще она умела говорить всё, не произнося ни слова. Она кипятила воду, даже когда в чайнике была чистая родниковая.

Она никогда не выкидывала хлеб – даже чёрствый кусок заворачивала в тряпочку и убирала в шкаф «на случай». Или сушила на батарее, чтобы потом положить в суп. К слову, это было очень вкусно!

Так вот, в том сне мне было лет семь, я сидел на табуретке у её ног и смотрел, как она штопает мои носки. Вдруг она остановилась, подняла глаза, но не на меня, а мимо, в угол, где, наверное, стоял ангел или просто пыль играла в луче света – и тихо сказала:

– Ты не останешься здесь.

Я обернулся, думая, что она говорит о дворе, о луже, в которую я хотел сбегать:

– Куда я уйду, бабушка?

Она не ответила. Только снова воткнула иглоку в ткань – так осторожно, будто боялась поранить не носок, а будущее.

Прошли годы. Я уже забыл тот сон и забыл эту фразу. Потом вспомнил – уже в Москве, уже с паспортом, уже после первой попытки уехать. И тогда понял: она не предсказывала. Она знала.

Потому что те, кто прошёл через то, что прошла она, видят не глазами, а душой. А душа видит – даже сквозь глухие стены.

Позже, когда я начал изучать еврейские тексты, я наткнулся на слова из Псалмов:

«Не оставлю тебя и не покину тебя».

Но в нашем случае было наоборот: меня не оставили здесь.

Не оставили в забвении. Не оставили в ассимиляции. Не оставили в убеждении, что «всё равно ничего не выйдет».

Бабушка ушла, когда я ещё не знал, что такое, что такое нефеш, что такое искренний тегилим перед сном. Но она оставила мне ту фразу – что подобно семечку в земле, которое ждёт дождя.

А дождь пришёл – в виде боли, перипетий судьбы, любви к Оснат, в виде мелодии, прозвучавшей в голове посреди ночи.

И теперь, когда я пишу эти строки в России, а сердце – в Иерусалиме, понимаю: бабушка была права.

Я не остался здесь. Даже когда тело – здесь. Даже когда паспорт – здесь. Потому что человек, чья душа уже прибыла в свое угодие, – уже дома.

А всё остальное – вопрос времени. И Б-жественного терпения.

3. Хирургия в Иерусалиме: когда тело становится храмом и руинами

В Иерусалиме я впервые понял: тело – тоже текст. Иногда он – с пропущенными буквами. Иногда – с кровавыми пометками. Но всегда – священный.

С первого дня пребывания в Израиле, меня мучали периодические головные боли. Я молчал, терпел, потому что у нас было не принято говорить о том, что тебя мучает. Когда боли стали невыносимыми и я обратился за помощью, меня привезли в клинику Адасса. Как сейчас помню, воздух был тёплым, свежим, пах смолой и далёким кофе. Как мантру, я повторял про себя молитву «Шма».

Операция была сложной. Не потому, что врачи не знали, что делать – а потому, что мое тело уже было историей. Историей пренебрежения, боли, отложенных решений, систем, в которых я был – не человек, а статус в базе. Случай был настолько запущен... Здесь, в Израиле, мне впервые сказали:

– Мы посмотрим на вас – как на целого и ценного человека.

И тогда я впервые почувствовал: здесь меня видят. Правда видеть – не значит полноценно спасти. Хирургия – это всегда разрушение чего – то ради восстановления другого.

Это, как, сначала – руины. Потом – попытка собрать храм заново.

Я лежал под светом, слушал, как врачи говорят на иврите – язык, который я знал по молитвам, а не по быту. И вдруг подумал: «Вот они – живые буквы Торы. Они не на пергаменте. Они здесь – в руках, которые спасают».

Когда очнулся, в голове было пусто. И больно, конечно, но – просто... пусто. Как будто удалили не только часть мозга, но и часть прошлого. И в этой пустоте – впервые за долгое время – я услышал тишину. Не пугающую. А чистую. Ту самую, в которой можно услышать: «Ты жив. Ты здесь. Продолжай».

Медсёстры улыбались. Говорили:

– Ма-шалом?

– Бэ-эзрат а-Шем, – отвечал я. И это была не дежурная фраза. Это – правда.

Но даже в Иерусалиме нет вечного пребывания. Пришлось возвращаться. Обратный билет – не мечта, а необходимость.

И вот я снова в России. В инвалидном кресле, с выпиской на иврите, с грузом в душе и искрой в груди.

Спрашиваю себя:

– Ну как, помогло?

И молчу. Потому что операция не вернула мне полноценное здоровье. Но она вернула нечто большее: ощущение, что я достоин заботы. Теперь, когда я смотрю в зеркало и вижу себя – я не думаю: «Меня сломали». Я думаю: «Здесь будет свет. Потому что даже в руинах Храма – присутствует Шхина».

И если мой мозг – руины, то моя душа – всё ещё строится. Кирпич за кирпичом. Слово за словом. Песня за песней – для Оснат.

Потому что храм – не в камне. Храм – в намерении.

4. Возвращение. Или: как Россия приняла меня обратно – с томограммой в сумке и Иерусалимом в висках

Самолёт приземлился в Шереметьево под дождь.

Не тот дождь, что оmyвает, а тот, что выводит наружу – серый, упрямый, как будто небо тоже знало: я возвращаюсь не по своей воле.

Приехал в инвалидном кресле. В кармане сумки – выписка из иерусалимской клиники. В голове – удаленная опухоль.

В груди – вопрос: «Зачем?» Не в смысле «почему она появилась, эта опухоль?» – это вопрос для врачей. А «зачем мне это дано именно сейчас? Почему именно я?»

В России меня встретили молчанием. Не злым – а скорее отвыкшим слушать.

Никто не видел томограмму. Никто не знал, что каждое слово, которое я произношу, – это борьба за чёткость, за то, чтобы мысль не рассыпалась, как песок сквозь пальцы. Никто не знал, что я проверяю речь прежде, чем что – то сказать. Иногда, когда я говорю, то слова будто запинаятся друг за друга – будто язык знает, что нужно сказать, но мозг не даёт им выстроиться в очередь. Тогда я останавливаюсь. Делаю паузу. Считаю до трёх. И пробую снова. Не из страха показаться смешным – а из уважения к тому, кто меня слушает.

А между тем у меня было четкое понимание – опухоль может расти в мозге – но не в совести.

В России легко сдать. Здесь привыкли говорить: «Главное – живой». Но я же хочу большего. Я хочу —быть ясным. Хочу – быть услышанным. Хочу – дойти до конца своего пути, не сбившись.

Иногда ночью я лежу и думаю: а что, если завтра сознание помутится?

Что, если вдруг я забуду всё и всех, кто мне близок и дорог?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.